

Г.Н. ПОТАНИН О НЕОБХОДИМОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹

Томский государственный архитектурно-строительный университет

В XIX в. как в России, так и в целом мире начинается особый этап в развитии цивилизационного процесса, который историки называют модернизацией. Модернизация – это переход от традиционного общества (преимущественно аграрного) к современному (преимущественно индустриальному). Модернизация, начавшаяся на Западе в XVI–XVIII вв., в XIX столетии получила качественное ускорение, произошел цивилизационный скачок в развитии Европы. Россия не хотела отставать от ведущих капиталистических стран того времени (Англия, США, Франция). В XIX в. в России, несмотря на наличие крепостного права, также началась модернизация. Это время огромных перемен в России, поступательного развития капитализма, модернизации социально-экономической, политической и культурной жизни. Проблемы образования выдвинулись тогда, как и сейчас, на первый план. Повысился престиж образования в общественном сознании. Острота проблем, связанных с перспективами просвещения в Сибири, многократно усилилась благодаря потребности в освоении Сибирского края в связи с ростом потока переселенцев в Сибирь, с введением здесь новых судебных уставов, началом железнодорожного строительства, а также с развитием горнодобывающей промышленности. М. Бейлин писал по этому поводу: «...жизнь требует, прежде всего, честности и знаний. Ни того, ни другого не требовала дореформенная Сибирь». Далее автор пояснял, что если раньше в Сибири правили ловкие люди, не стеснявшиеся в средствах, то теперь на смену им должны прийти «другие люди, сознающие служебный и общественный долг, свои обязанности, строго ответственные, бескорыстные» [1].

Проникновение капитализма в экономику Сибири оказало существенное влияние на развитие Сибирского края как в экономическом, так и в культурном отношении. К концу XIX в. образование и культура в Сибири были развиты слабо. Это был край почти сплошной неграмотности. Например, в 1908 г. в Бийском уезде насчитывалось до 90 % неграмотных людей, призванных на военную службу [2]. Большинство учебных заведений составляли приходские училища, которые поначалу не получали поддержки у государства и местной власти.

Недостаток грамотных людей в Сибири отрицательно сказывался даже на работе администрации. Поэтому в 1828 г. по распоряжению царского правительства каждая сибирская губерния должна была иметь не менее одной гимназии. Наконец, в Томске в конце 30-х гг. XIX в. была открыта гимназия, а в Красноярске – только в 1869 г. В 1873 г. в сибирских гимназиях обучалось 898 человек [3, с. 9]. Несмотря на этот отрадный факт, Сибирь по-прежнему испытывала острый недостаток средних учебных заведений. Состояние образования в Сибири по сравнению с другими регионами страны было незавидным. Например, в 1880 г. Сибирь с населением 4 млн чел. имела только 4 гимназии (в Тобольске, Томске, Иркутске и Красноярске), в то время как в Одесском учебном округе, где количество населения было примерно таким же, как и в Сибири (4 млн 200 тыс. чел.), было 9 гимназий. Еще лучше обстояли дела в Финляндии, где на 1 млн 200 тыс. жителей приходилось 6 гимназий [4, с. 564].

Капиталистические преобразования в Сибири вызвали острую потребность в специалистах различного уровня. Практика показала, что кадровую проблему не представлялось возможным решить приезжими специалистами. Соглашались работать по контракту в Сибири немногие. Сюда привлекала их в основном возможность сколотить себе состояние в короткий срок, а не патриотические чувства к сибирскому краю. Они плохо знали специфику работы в Сибирском крае и, как правило, по истечении срока договора сразу уезжали из Сибири. К тому же приезжие специалисты дорого обходились казне. Одной из основных проблем сибирского общества областники считали также абсентизм его образованной молодежи. Подавляющее большинство коренных сибиряков, получивших образование в Казанском, Московском и Петербургском университетах не хотели возвращаться в Сибирь. Например, за тридцатилетнюю историю томской гимназии только трое из ее выпускников, получив высшее образование в Европейской части России, захотели вернуться в Томск [5]. Такая картина наблюдалась и в других сибирских городах. Царское правительство, понимая сибирские проблемы, решило открыть сначала университет, а затем технологический институт в Томске.

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ 05-01-01-398а.

Безусловно, Григорий Николаевич Потанин приветствовал появление высших учебных заведений в Сибири. Но он считал, что это не решало проблему Сибири в целом. Сибирь остро нуждалась в хороших специалистах – патриотах Сибирского края. Для этого надо было реформировать школьное образование и ввести в обязательный курс школьной программы изучение предмета «концентрическое родиноведение». Потанин был уверен, что эта наука помогла бы воспитать чувство патриотизма у молодых людей.

В царское время в программу обучения российской народной школы входили предметы: Закон Божий, русский язык и арифметика. Многие прогрессивно настроенные люди мечтали о том, чтобы программа обучения в народной школе стала, с одной стороны, интересной для учащихся, а с другой – полезной для них в том смысле, чтобы полученные знания в школе помогали учащимся найти себя в жизни. По мнению Г.Н. Потанина, введение предмета «родиноведение» в курс начальной школы, несомненно, помогло бы учащимся в этом направлении.

Мысль о преподавании «концентрического родиноведения» зародилась в русском обществе еще в начале 60-х гг. XIX в. Но долгое время дело ограничивалось только теоретическими рассуждениями. Первым, кто решил перейти от слов к делу, был Г.Н. Потанин. Он стал обучать детей у себя на квартире в Никольске.

По мнению Потанина, образование должно заключаться в описании мира «концентрическими кругами. Первый круг: окрестности школы, физическая география их и жизнь в них человека. Второй круг – область в физическом и социальном отношении. Третий круг – Россия. «Первый круг знакомит с окружающей природой... и с тем, какие изменения вносит человек... Вся географическая терминология должна быть продемонстрирована по местным физическим явлениям; точно так же понятия об общественной жизни: разделение труда, бюджет, выборы, землевладение, прогресс – должны быть изложены по жизни той общины, в которой школа находится» [6, с. 141–142]. После знакомства с родным городом учитель начинает знакомить своих учеников с областью. Если раньше их познания сводились только к тому, что они видят и осязают, то теперь наглядное обучение во многом заменяется книжным. Перевес теоретического обучения над наглядным еще более чувствуется, когда учитель переходит к ознакомлению с Россией в целом. При таком подходе, во-первых, ученики начинают любить сначала город, затем область и, наконец, свою страну. Во-вторых, они получают представление о роли общественных отношений. Потанин по этому поводу писал: «Частное хозяйство

обывателя вполне зависит от благоустройства города. Последнее зависит от добрых порядков в управлении областью, а порядки области зависят от доброй внутренней политики государственной власти, и в обратном порядке...» [7]. Ученики начинают мыслить себя гражданами России, понимая свою зависимость от государства, свои гражданские обязанности, диалектику общественного и государственного устройства.

Потанин полагал, что на всех этапах становления личности основной тенденцией воспитания должно быть формирование локального патриотизма. Насколько ребенку желательно не терять связи с родиной, настолько же студенту и университетскому преподавателю нужно поддерживать контакт с местной средой [8]. Только через развитие «местных инстинктов» можно воспитать патриотизм общерусский: «Судьба людей, которые не прерывали со своими детскими воспоминаниями и постоянно находились в связи с друзьями своего детства, загадки не составляет. В них медленно и неуклонно вырастает идея о служении той среде, в которой проходила их жизнь. Сначала они думали о служении тесному кругу самых близких людей, потом их симпатии раздвигались за пределы семьи, улицы и родного города. Географический кругозор их расширялся до представлений об области; тогда появляется чувство, которое мы можем назвать местным патриотизмом. Но на этом дело не останавливается – географический кругозор расширится до пределов государства» у каждого честного труженика, и, «служа местному населению, он тем самым оказывает услуги отечеству» [9, с. 302]. Г.Н. Потанин рассматривал также и другой тип человека или, как он говорил, «темперамент, в котором жизнь не выработала таких связей с обществом. Он не чувствует себя окруженным живой средой, и потому ему приходится правила для своего поведения и социального мышления вычитывать из книг и журналов. Он может обходиться без живой среды. Такой темперамент легко, без болезненного ощущения, переносится из одной страны в другую, он не заражен местными инстинктами или местными предубеждениями и свободнее воспринимает крайности социальных утопий. <...> Можно ли признать идеальным положение, при котором человек в своих действиях подчиняется директивам, вычитанным из книг, а не велениям живой среды? Подчиняясь этим директивам, не делается ли он игрушкой какой-нибудь мертвой теории или неосуществимой фантазии?» [9, с. 302–303]. Ответом на заданный вопрос служит суждение Г.Н. Потанина о том, что «если провинция не будет состоять из одной бюрократии, если трудящиеся интеллигентные люди в провинции будут заняты не идеей о государстве, а идеей об отечестве, тогда без всяких потуг местный

характер сам отпечатывается во всех родах умственной жизни – в журналистике, в школе, в проповеди, в промышленности, в общественных учреждениях» [10, с. 93–94].

Долгое время народное просвещение основывалось на трех «столпах» – православие, самодержавие, народность. Стремление идеологически обосновать незыблемость самодержавия нашло отражение в теории «официальной народности». Иногда эту теорию называли также: «теория казенного патриотизма или Уваровская триада», поскольку ее принципы были сформулированы министром просвещения С.С. Уваровым. Суть ее заключалась в том, что самобытность России якобы имеет три начала: православие, самодержавие и народность. Русский народ традиционно православен, привержен принципам монархизма и верности престолу. Царь является силой, стоящей над обществом и выражающей интересы всего народа. Единство царя и народа является залогом внутреннего спокойствия страны. Революционность – западное влияние, чуждое интересам России. По мнению царского правительства, данная теория стала идеологическим оружием России, так как применение ее на практике давало возможность, с одной стороны, воспитывать молодежь в духе будущих патриотов России, а с другой – вести идеологическую борьбу с инакомыслием. Отныне можно было обвинять противников в недостаточной приверженности православию, монархии как идеалу народа или вообще российским традициям. Приукрашивание российской действительности, ее лакировка стали одним из направлений идеологического воспитания молодежи.

Потанин отметил: «Эта формула преследовала цель не национальную, а династическую». Для него в этом крылось объяснение того, почему «Февральская революция разрушила российское государство. Русская армия постыдно оставила фронт, бросила оружие и отдала отечество в руки врага. <...> Блиндированный поезд с Лениным и его друзьями сделал свое дело; русская масса оказалась невоспитанной на идеях об отечестве, ее соблазнил передел земельного фонда, обещанный большевиками. <...> Революция послала русскому народу испытание, и он провалился на этом экзамене. Стоило Ленину дать понюхать запах чечевичной похлебки, и русские люди, бросив оружие, с тарелками в руках, побежали получить свою долю похлебки» [9, с. 304]. Старая система просвещения оказалась легковесной: «Духовенство, которое должно блюсти в народе законы нравственности, полицейским государством было превращено в касту, живущую отдельно от остального общества... <...> О светской школе нечего и говорить; она была всецело подчинена по-

лицейской власти, наперекор Петру Великому, который говорил, что “науки не терпят подчинения”» [9, с. 304]. Старая школа также ставила целью воспитать любовь к родине, стараясь заставить каждого ученика заучить как догмат, что каждый обязан любить свое отечество, но, по мнению Потанина, для победы здравомыслящих людей необходимы два условия – свобода прессы и свобода школьного преподавания. «Любовь к родине не должна опираться на какие-то логические доказательства; она должна быть заложена в душе с детства, воспитана в человеке с ранних пор; она должна служить ему руководителем в жизни, каким у животных бывает инстинкт» [7].

Только после Февральской революции в российском обществе восторжествовала идея «концентрического родиноведения». Предполагалось создать национальную школу, не опасаясь, что министры станут решать «нашу судьбу, не знакомя нас со своими планами», и что «проповедь о любви к отечеству, о чести и славе русского племени приведет только к шовинизму»; предполагалось «в школьный курс ввести ознакомление учащихся со своей родиной, с условиями, в которых русскому человеку приходится жить, и с нашими национальными надеждами в будущем» [9, с. 304–305]. Министерство народного просвещения должно было сыграть главную роль в истории возрождения России.

Во время Гражданской войны сибирское правительство на одно из первых мест ставило вопрос о народном образовании. В декабре 1918 г. товарищ министра просвещения Г.К. Гинс в интервью омской газете «Правительственный вестник» говорил: «Министерству предстоит выполнить две задачи: приближение школы к родине и приближение ее к жизни. <...> Не квасной патриотизм, не одностороннее освещение событий и политического строя, а изучение нужд и богатств страны, достоинств и недостатков ее культуры – должно составлять задачу школы. Знать одинаково всю Россию – значит, знать слишком много или ничего не знать. Если бы сибирские школы научили ценить и любить Сибирь, уральские – Урал, а поволжские – Волгу, то этим самым, при условии достаточного освещения общенациональных задач, они приготовили бы настоящих дельных работников, которые сумели бы послужить родной земле» [9, с. 305]. Таким образом, идея Потанина приблизить школу к обществу и местной жизни, наконец, нашла свое понимание, но воплотиться этим планам помешала смена политического режима. Остается выразить надежду, что всегда актуальная идея Г.Н. Потанина о родиноведении найдет понимание в современной России.

Поступила в редакцию 06.10.2006

Литература

1. Сибирская жизнь. 1903. 20 июля. № 157.
2. Там же. 1911. 24 янв. № 19.
3. Томский политехнический университет 1896–1996: Исторический очерк. Томск, 1996.
4. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1892.
5. Сибирь. 1875. 12 окт. № 16.
6. Письмо Г.Н. Потанина А.С. Гацискому от сентября 1874 // Потанин Г.Н. Письма: В 5 т. Иркутск, 1988. Т. 2.
7. Вестник Томской губернии. 1919. 30 апр. № 47.
8. Сибирская жизнь. 1913. 6 янв. № 5.
9. Потанин Г.Н. Возрождение России и Министерство народного просвещения // Вестн. Томского гос. ун-та. 2004. Июнь. № 282.
10. Письмо Г.Н. Потанина А.С. Гацискому от марта 1874 // Потанин Г.Н. Письма: В 5 т. Иркутск, 1988. Т. 2.

УДК 378 (571.1/5): 372 (09)(103)

В.В. Петрик

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ СВЯЗИ ВУЗОВ СИБИРИ С УЧЕБНЫМИ ЗАВЕДЕНИЯМИ И НАУЧНЫМИ ЦЕНТРАМИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН В КОНЦЕ 50-Х – НАЧАЛЕ 90-Х ГОДОВ ХХ ВЕКА

Томский политехнический университет

Высшее образование и наука интернациональны по своей природе, они являются результатом развития духовной культуры всего человечества. Отечественная наука и высшее образование – не исключение.

Непосредственное участие вузов СССР, в том числе и Сибири, в международном сотрудничестве с учебными заведениями и научными центрами капиталистических стран началось со второй половины 1950-х гг. В соответствии с подписанными тогда соглашениями о культурном обмене между СССР и этими странами, устанавливались прямые контакты университетов и институтов Советского Союза с вузами и научными учреждениями США, Великобритании, Франции, ФРГ, Японии, Канады, Италии и других экономически развитых государств капиталистического мира. Однако до конца 1980-х гг. эти связи не имели характера долгосрочных соглашений. Они ограничивались главным образом кратковременными визитами ученых с обеих сторон в составе делегаций, командировками научно-педагогических работников для чтения лекций, а также участием их в разнообразных международных форумах.

Достаточно наглядно можно продемонстрировать это на следующих примерах. На расширенном заседании ученого совета Иркутского госуниверситета с повесткой «Об университетском образовании в США» (январь 1959 г.) выступил ректор ИГУ В.Я. Рогов, который был членом советской делегации, побывавшей в США в 1958 г. [1].

Научные исследования заведующего кафедрой факультетской терапии Новосибирского медицинского института, профессора Г.Д. Залесского выдвинули его в число лучших ревматологов Советского Союза и доставили ему известность как внутри страны, так и за ее пределами, где он выступал с научными докладами: на VIII Европейском конгрессе ревматологов в Гааге (Нидерланды) в 1956 г., на международном конгрессе по аллергии в Париже (1958 г.). В 1959 г. профессор Г.Д. Залесский был в Стамбуле (Турция) на Европейском конгрессе ревматологов, на Всемирном конгрессе в Риме (Италия), на конгрессе в Стокгольме (Швеция) и др. [2, л. 85–86].

В 1953–1962 гг. ряд ученых Томского медицинского института (профессора А.Г. Савиных, С.П. Карпов, Д.Д. Яблоков) ознакомили зарубежных коллег с достижениями советской медицины. В частности, А.Г. Савиных по поручению Министерства здравоохранения СССР и РСФСР трижды выезжал за границу, где выступал с докладами перед учеными западных стран: в сентябре 1953 г. в Португалии на пленарном заседании XV Международного конгресса хирургов был сделан доклад «Наш метод оперирования на пищеводожелудочном тракте», в октябре 1955 г. ученый выезжал в составе советской делегации в Швецию, где в г. Стокгольме в Королевской больнице выступил с докладом «Трансдиафрагмальная диафрагмотомия и ее значение в удалении кардии», в апреле–мае 1956 г. по приглашению Королевского колледжа хирургов Англии посетил города Лондон, Эдинбург, Оксфорд, Бир-